

ОБРАЗ БАРОНА УНГЕРНА В СОВЕТСКОЙ И ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (БУДДИЙСКИЕ АСПЕКТЫ)

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

Поступила в редакцию 22 мая 2023 г.

Аннотация: в статье анализируются буддийские аспекты образа барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в советской и эмигрантской литературе. Несмотря на разницу политических взглядов, те и другие писатели изображают Унгерна схоже. Барон оказывается маргиналом с определенной психической деформацией, обусловленной либо насилием Гражданской войны, либо мистической атмосферой Азии. Буддийский выбор Унгерна одними писателями воспринимается как понятная странность, спровоцированная необходимостью пластичности души европейца, оказавшегося на Востоке, другими — как политическая игра. При этом обозначается резкое расхождение между склонностью барона к буддийскому мистицизму в его национально-магическом сниженном варианте и следованием буддийской традиционной этике. Образ барона Унгерна в литературе 30–50 х гг. оказывается менее романтизированным, чем в 20-е гг. Писатели превращают Унгерна в миф, внутри которого помещается либо светлое, либо темное мистическое содержание. Мифологизация барона ведет к возможности прочитывать его образ в любом актуальном контексте, например как предтечу тех идеологических и политических движений, что зародились в Европе в 30-е годы.

Ключевые слова: Р. Ф. Унгерн фон Штернберг; буддизм; мистицизм; литература русского зарубежья; советская литература; В. Я. Зазубрин; А. П. Хейдок; А. С. Макеев; Б. Н. Волков; Б. М. Лапин; Д. Г. Алешин; К. Ф. Седых; М. С. Колесников; Гражданская война.

Abstract: the article analyzes the Buddhist aspects of the image of Baron R. Ungern von Sternberg in Soviet and emigrant literature. Despite the difference in political views, those and other writers portray Ungern in a similar way. The Baron turns out to be a marginal with a certain mental deformation caused either by the violence of the Civil War or by the mystical atmosphere of Asia. The Buddhist choice of Ungern is perceived by some writers as an understandable oddity provoked by the need for plasticity of the soul of a European who finds himself in the East, by others as a political game. At the same time, there is a sharp discrepancy between the baron's penchant for Buddhist mysticism in its national-magical lower version and following Buddhist traditional ethics. The image of Baron Ungern in the literature of the 30–50s turns out to be less romanticized than in the 20s. Writers turn Ungern into a myth, within which either light or dark mystical content is placed. The mythologization of the baron leads to the possibility of reading his image in any relevant context, for example, as a forerunner of those ideological and political movements that originated in Europe in the 30s.

Keywords: R. Ungern von Sternberg; Buddhism; mysticism; Russian literature abroad; Soviet literature; V. Zazubrin; A. Heydock; A. Makeev; B. Volkov; B. Lapin; D. Aleshin; K. Sedykh; M. Kolesnikov; Civil War.

Барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг — один из наиболее востребованных русской литературой участников Гражданской войны рубежа 10–20-х годов. Его образ осваивался писателями, начиная с ареста и казни в 1921 году, и продолжает быть в центре внимания до сегодняшнего дня. Так, в начале 20-х гг. В. Я. Зазубрин на основе беседы с бароном написал очерк «О том, кого уже нет (Унгерн)» (1921), генерал П. Н. Краснов в романе «За чертополохом» (1922) отразил некоторые черты Унгерна в образе атамана Аничкова, в конце 20-х годов появилась знаменитая «Баллада о Даурском бароне» (1927) А. И. Несмелова и был написан роман С. Н. Маркова «Рыжий будда»

(1929, опубликован в 1989). С тех пор к образу барона Унгерна не раз обращались как советские писатели, так и писатели-эмигранты. Одной из важных составляющих этого образа является буддизм, который барон принял, находясь в Азии.

В этой статье, с опорой на положения книги В. Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы [1], и работ, что перенесли структурно-семиотический подход из урбанистически-культурной в религиозную сферу (так, например, П. В. Алексеев описал «мусульманский текст» русской литературы в поэтике романтизма 1820–1830-х годов [2], а Р. Ф. Бекметов проанализировал «буддийский текст» как часть ориентального дискурса в истории русской литературы XIX века [3]), в рамках большой работы,

посвященной «буддийскому тексту», осуществлен обзор и произведен анализ произведений русской литературы в ее советском и эмигрантском изводе, в которых встречается образ барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в аспекте его соприкосновения с буддийской религией. Осмысление буддийских составляющих образа Унгерна в творчестве П. Н. Краснова и С. Н. Маркова можно посмотреть в статье «Барон Унгерн в литературе 1920-х годов: двусторонняя оптика Гражданской войны» [4], здесь будут проанализированы другие тексты 20–50-х гг.

В. Н. Яранцев в книге «Зазубрин. Человек, который написал «Щепку»: Повесть-повествование из времен, не столь отдаленных» пишет (словно воспринимая барона Унгерна через буддийскую оптику), что этот очерк парадоксально (ведь он разговаривал фактически с мертвецом) получился у писателя живым, возможно, потому что «реальность промежутка», «тема иллюзорного существования, при не вполне определенном наборе жизненных, биографических фактов, была близка самому Зазубрину» [5, 173]. Зазубрин в очерке «О том, кого уже нет (Унгерн)» рисует портрет «скелета», сломленного человека, «которого уже нет», потому что его скоро расстреляют, но из-под этого образа проглядывает «вдохновенный» сильный хищник, с усами (как будто тигриными) и с желтыми ногтями-когтями с «траурной каемочкой» [6, 381]. Желтый цвет в очерке оказывается маркером пронизанности Унгерна атмосферой Азии, ее религиозным мировоззрением.

В рассказе А. П. Хейдока «Безумие желтых пустынь», входящем в сборник «Звезды Маньчжурии» (1934), по мнению И. А. Дякина, барон Унгерн связан с «потусторонними силами зла, а особая жестокость барона» объясняется «его особым религиозным сознанием» [7, 21]. Барон Унгерн у Хейдока — тот, кто «оставил кроткого Христа, потому что ему ближе было друидическое поклонение силам Земли, Одну, Валгалле и страшилищам — кумирам Тибета» [8, 39]. Писатель обращает внимание на языческий характер религиозной жизни барона, который и в буддизме склонялся более к национальным магическим культам, чем к первоистокам буддийской этики. О религиозном выборе Унгерна Хейдок говорит также в рассказе «Нечто». Один из персонажей этого рассказа «долго ходил по Монголии за полусумасшедшим человеком, по имени Унгерн фон Штернберг, который поклонялся Будде» [9, 63].

Кстати, о буддизме говорится и в некоторых других рассказах этого сборника. В рассказе «Три осечки» главный герой, после того как погиб Гржебин, который как будто расплатился (кармическое воздаяние) за произвольную стрельбу в статую Будды, вспоминает Христа и разрушение храмов в России, сравнивая происходящее на Родине с реакцией «таинственного мира» буддизма: «— Ты, о Ты, Всепрощающий! Доколе ты будешь переносить поругание

Твоих храмов, которые камень за камнем кощунственной рукой растаскиваются на моей родине? Разве действительно нет предела твоей кротости, необъятной, как эфирный океан Вселенной?» [10, 59]. В рассказе «На путях извилистых» главный герой описывает свое видение нирваны: «...я задумывался о счастье: не заключается ли оно в усыпляющем мозг движении, в физической работе, лишаящей человека способности размышлять, став, как окружающая природа, как растение, — далек ли будет человек от благодного состояния буддийской нирваны, что почти одно и то же» [11, 46]. Нирвана здесь как проблема: человек, успокоивший сознание, подобен растению, или пребывает в ином, неопишемом «благодном состоянии»? В рассказе «Шествие мертвых» близкий к смерти и как будто пребывающий вне времени старый китаец напоминает рассказчику «древний обветренный барельеф», что говорит с ним «со стен буддийской кумирни» [12, 173].

В сборнике рассказов «Радуга чудес» (1994), в рассказе «ЧП на посту № 2» Швальбах, подобно Гржебину из «Трех осечек», совершает кощуннический акт в отношении священного буддийского изображения. В результате он застывает на месте и вскоре умирает. В послесловии к тексту автор пишет: «На священных предметах ЛЮБОГО вероисповедания накапливаясь, приобретает огромную силу» [13, 66]. Хейдок, начиная с 30-х годов проникшийся идеями Агни Йоги и теософии, исходит здесь из экуменического восприятия буддизма: для героя-христианина воплощением совести становится буддийский архат — и при этом предлагает мистическо-рациональную трактовку произошедшего. Интересен в рассказе переход эпитета «каменный» от статуи к герою: от каменного взгляда статуи к каменной неподвижности Швальбаха. Два разных прочтения одного эпитета рожают образ противостояния святости и греха. В целом буддизм для А. П. Хейдока — это составная часть таинственного азиатского мира, великая религия, рожающая чудеса.

Книга «Бог войны — барон Унгерн» (1934) есаула А. С. Макеева, служившего под началом барона Унгерна, имеет подзаголовок «Воспоминания бывшего адъютанта Начальника Азиатской Конной Дивизии». Несмотря на мемуарный жанр, текст имеет отдельные элементы фикциональности. В частности, в эпизоде пленения Унгерна проявляются мотивы даурской готики [14; 15]. Так, «жуткая действительность вползала змеей-медянкой» в голову связанного барона. Взгляд его был «темный, как жуткая ночь» [16, 111]. В разделе «Вместо предисловия» автор, с одной стороны, апологизирует Унгерна, говоря, что он стал маньяком, «отдавшись стихийным порывам жестокой борьбы с красными» [16, 6]. С другой же стороны, А. С. Макеев, несмотря на что-то вроде стокгольмского синдрома по отношению к начальнику,

честно проговаривает, что причиной гибели барона стал по большей части он сам. По макеевскому выражению, «Так должно было быть, об этом говорила та Карма, о которой часто упоминал сам Начальник Азиатской Конной Дивизии» [16, 6]. Нужно заметить, что эту самую Карму, которую Макеев неслучайно пишет с прописной буквы, тем самым обозначая ее экстраординарный характер, барон Унгерн в макеевском изображении понимал не по-буддийски: она для него — творение некоего Великого духа мира, а не безначальный и безличный закон, чье действие обусловлено исключительно самими живыми существами [16, 10]. Барон Унгерн принял буддизм, однако по мистическому мировоззрению своему в значительной степени остался христианином. Орден военных буддистов он пытался создать, чтобы способствовать эволюции и тем самым приблизить людей к боже-ству [16, 11]. Барон Унгерн, по словам А. С. Макеева, сражался «с красными за РУСЬ ПРАВОСЛАВНУЮ» [16, 7], но при этом в легенде стал буддийским богом войны и после смерти «ушел в Монастырь и присоединился к монгольским ламам и молится вместе с ними о спасении всего человечества от нашествия красного кровожадного зверя» [16, 143]. Образ барона Унгерна у Макеева мифологизируется и перекодируется: при жизни он сам был зверем (это определение в разных видах в большем количестве присутствует на страницах книги), после смерти он стал всадником на белом коне и почти святым, то ли Георгием Победоносцем, то ли Архангелом Михаилом.

Образ барона Унгерна появляется также в художественных произведениях А. С. Макеева. Так, в рассказе «Роковое предсказание», написанном на основе «ламаистских преданий» [7, 21] и, возможно, отдельных мотивов книги А. Ф. Осендовского «И звери, и люди, и боги», барон Унгерн «Пребывает <...> в тайной подземной стране Аггарта, в которой не действуют законы времени. Раньше этой страной владел Король Мира, могучий Шакраварти. Но великий Унгерн победил его священным мечом и надел его корону...» [17, 3]. По выражению И. А. Дябкина, истоком сюжета этого рассказа послужило «Увлечение барона Унгерна оккультными верованиями и мистикой восточных культур, в особенности Тибета» [18, 173].

Поэт и прозаик Б. Н. Волков планировал опубликовать роман «В стране золотых будд» (или, по другим источникам, «Страна золотых будд», или «Царство золотых будд»). Однако на сегодня обнаружены только два рассказа, которые исследователи рассматривают в качестве его фрагментов. Главный герой одного из таких фрагментов — рассказа «Потомок Чингисхана» — представитель княжеского рода Намсарай, «выступая на стороне «Возрожденного Бога Войны» — барона Унгерна, вместе с тем недоумевает, зачем ему столько «казней и пыток»» [19, 68]. Барон Унгерн в рассказе, по словам И. А. Дябкина, предстает как «Бог войны», которому возносят

дары уверовавшие в его силу ламы» [7, 21]. Волков, таким образом, фиксирует странность исповедования Унгерном буддизма.

В рассказе Б. М. Лапина «Фон Унгерн», написанном в конце 30-х годов в контексте укрепляющегося в Европе фашизма, главный герой представлен как «национал-социалист до национал-социализма» [20, 320]. В этой связи неслучайно авторы называют рассказ «Фон Унгерн», проговаривая для читателя дворянское и немецкое происхождение героя. К тому же приставка «фон» читается и как слово «фон» в значении «окружение, среда». То есть барон Унгерн — не исключительный персонаж, а тип фашиствующего человека. В отчасти карикатурном портрете Унгерна считается как бы некоторое его сходство с Буддой: «оттопыренные уши» барона и «огромные мочки ушей» [20, 325] Будды невольно видятся как то, что сблизается. Унгерн, как и Будда, для Лапина находятся за пределами нормы. Авторы также иронизируют над религиозно-идейным эклектизмом барона: наряду с Буддой над его тахтой висят портреты Фридриха Второго, Николая Чудотворца и французская реклама. Станный экуменизм Унгерна — то, что противостоит здоровой революции: «...за ним двигались представители четырех религий: православный иеромонах, шаман в амулетах и перьях, башкирский мулла и ламы» [20, 325].

Схожим образом оказывается представлен у Б. Лапина и Джа-лама. В рассказе «Буддийский монах» (1939) он именуется Бадма-лама. Писатель показывает его авантюрную природу и то, как создается миф вокруг него. Случайный рассказ о Наполеоне превращает Джа-ламу вначале в «степного Наполеона», а затем Б. Лапин уже прямо и иронически называет его «Лама Наполеон». «Большое» имя снижает героя рассказа. Главное же, как и в случае с бароном Унгерном, что писатель считает героя рассказа предтечей фашизма: «Несколько лет спустя, и на европейской почве, такого рода люди положили основание фашистским режимам» [20, 437].

Роман-воспоминание «Азиатская одиссея» Д. Г. Алёшина переведен на русский язык А. Дементьевым в 2017 году. Барон Унгерн в нем в первой главе «Бегство в Манчжурию» представлен и как мечтатель, стремящийся к созданию Азиатской Буддийской империи, едва не фанатик, позже — как жестокий маньяк и ницшевский «сверхчеловек» (с авторской иронией), а Азия, Монголия — как культура, способная захватить сознание человека: «Я переродился в другое существо, обреченное влачить ужасное существование, как гласит учение Будды» [21, 24].

Главного героя «Азиатской одиссеи» (у которого, как кажется, схожая психология с Унгерном) отличает умение принимать новый внутренний облик. Он может прочесть буддийскую молитву, а позже перекреститься на старомосковский манер. Это, с одной стороны, вынужденное актерство, а с другой — особая

пластика души. В Азии он искренне пытается соприкоснуться с буддийской реальностью, понять ее, хотя и держит понятную дистанцию. В уста персонажей ламы Тхи Цронга Дэцана и старика Гончика (похожих друг на друга) автор вкладывает, вероятно, свои, экуменического характера мысли о религии — о том, что разные веры есть различные способы почитания Абсолюта, об эзотерическом и экзотерическом подходе к религии. Реакцией на буддийскую легенду Гончика о трех встречах человека и аде оказывается пусть и слегка комичное, но искренне восклицание казака: «Господи Иисусе, прости нас» [21, 281]. Вместе с тем главного героя привлекает поэзия азиатского, буддийского мира. Он вспоминает буддийскую молитву, и его возвышенное настроение стирает границы между пейзажем и внутренним миром. Интересно, что в переводе на русский описание его спонтанной медитации звучит почти как строки из известного романа «Снился мне сад»: «Звезды были в небе, звезды были в воде, звезды были в моей душе» [21, 148]. Пустыня Гоби видится главному герою поэмой: «Жизнь течет здесь вне времени; это жизнь в небытии или истинной Нирване» [21, 277].

Таким образом, «Азиатская одиссея» оказывается не только приключенческим романом, действие которого происходит в Азии, но это текст о погружении русского человека, европейца (ставшего позже американцем) в Азию, в другой, нехристианский мир. Финальные строки книги фиксируют это напряжение героя и автора: «Издали до меня доносился звон Великого Колокола Пекина, отлитого за четырнадцать веков до рождения Христа» [21, 300].

В романе К. Ф. Седых «Отчий край» (1957) Унгерн, не принявший буддизма, но лишь «объявивший» себя буддистом, создан в традиции «даурской готики». Его поступки — поступки безумца, у него необычный (барон белобрыс и белоглаз) и хищнический (гиптонизирующая змеиная сила глаз; также он скармливает ночью приговоренных волкам, сам напоминая волка) облик [22].

М. С. Колесников в книге «Сухэ-Батор», изданной в серии «ЖЗЛ» в 1959 году, пишет образ Унгерна исключительно черными красками. В книге о революционном герое Унгерн — бандит-белогвардеец. Он изгнан из своей страны, он не русский, он «прибалтийский немец» [23, 193]. Унгерн — авантюрист и лжец. Он лишь «увлекается» буддизмом. Степняки шутят, глядя на Унгерна, чей буддизм расходится с милосердием, что революция совершается повсюду, что «на небе тоже революция, и всемиловейший Будда давно удрал на японское небо, оставив свой престол» [23, 230]. Колесников исходит в жизнеописании Сухэ-Батора и создании контекста из сверхзадачи развенчания разнообразных врагов революции, среди которых и представители буддийского священства.

Образ барона Унгерна в произведениях советских писателей и писателей-эмигрантов, по понят-

ным причинам противоположно политически ориентированных, тем не менее в чем-то оказывается схожим. Писатели, оказавшиеся по разные стороны баррикад, видят в Унгерне человека, вышедшего за пределы нормы. У него как будто случилось некое психическое смещение, возможно, под влиянием азиатского мира. Унгерн оказывается подозрительно религиозно пластичен. Кто-то из писателей верит в искренность принятия им буддизма, кто-то считает это политической игрой. Однако при этом фиксируется расхождение между буддийским мистицизмом, к которому был склонен барон, и традиционной буддийской этикой, которая фактически была им не замечена. В отличие от романтизации 20-х годов образ Унгерна в 30-е гг. и последующее время в большей степени наполняется мистическим содержанием — светлым или, напротив, inferнальным. Также его образ прочитывается писателями сквозь современную им проблематику: Унгерн видится им предтечей германского фашизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 259–367.
2. Алексеев П. В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х годов: автореферат дис. ... канд. филологических наук. Томск, 2006. 23 с.
3. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830–60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. ... доктора филологических наук. Казань, 2019. 411 с.
4. Дубаков Л. В. Барон Унгерн в литературе 1920-х годов: двусторонняя оптика Гражданской войны / Л. В. Дубаков // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 48–53.
5. Яранцев В. Н. Заzubрин: главы из книги / В. Яранцев // Сибирские огни. 2009. № 7. Окончание. — С. 169–184.
6. Заzubрин В. Я. О том, кого уже нет (Унгерн) / Бледная правда: Художественная проза, публицистика / Сост. и авт. послесл. А. В. Горшенин. М.: Русская книга (Сов. Россия), 1992. С. 380–383.
7. Дябкин И. А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры Дальневосточного Зарубежья: специальность 09.00.14 «Философия религии и религиоведение»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Благовещенск, 2014. 3–1 с.
8. Хейдок А. П. Безумие желтых пустынь / А. П. Хейдок // Звезды Маньчжурии. М.: Рубеж, 2011. — 336 с. — С. 32–41.
9. Хейдок А. П. Нечто / А. П. Хейдок // Звезды Маньчжурии. М.: Рубеж, 2011. — 336 с. — С. 60–70.
10. Хейдок А. П. Три осечки / А. П. Хейдок // Звезды Маньчжурии. М.: Рубеж, 2011. — 336 с. — С. 51–59.
11. Хейдок А. П. На путях извилистых / А. П. Хейдок // Звезды Маньчжурии. М.: Рубеж, 2011. — 336 с. — С. 42–50.

12. Хейдок А. П. Шествие мертвых / А. П. Хейдок // Звезды Маньчжурии. М.: Рубеж, 2011. 336 с. С. 171–174.
13. Хейдок А. П. ЧП на посту № 2 / А. П. Хейдок // Радуга чудес. М.: Издательство Духовной Литературы, 2001. — 352 с. — С. 64–66.
14. Михалев А. В. Бог войны, или Память о «черном бароне» в правовом дискурсе современной России / А. В. Михалев // Политическая наука. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. — С. 128–146.
15. Соболевская О. В. Введение в даурскую готику / О. В. Соболевская. — Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/286418877.html> (дата обращения: 22.12.2022 г.).
16. Макеев А. С. Бог войны — барон Унгерн. Шанхай: Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камкина, 1934. — 143 с.
17. Макеев А. С. Роковое предсказание. Из воспоминаний бывшего адъютанта Азиатской конной дивизии / А. С. Макеев // Рубеж. — 1940. — № 5. — С. 3.
18. Дябкин И. А. Письма барона Р. Ф. Унгерна-фон-Штернберга (религиозные, философские и политические взгляды барона Унгерна) / И. А. Дябкин // Религиоведение. 2012. — № 1. С. 172–184.
19. Проскурина Е. Н. Борис Волков. Возвращение забытого имени / Е. Н. Проскурина // Филологический класс. — 2020. — № 4. — С. 60–69.
20. Лапин Б. М. Подвиг / Б. М. Лапин // Повести, рассказы. — М.: Советский писатель, 1966. — 488 с.
21. Алёшин Д. Г. Азиатская одиссея / пер. с англ. А. Дементьева. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2017. — 376 с.
22. Седых К. Ф. Отчий край / К. Ф. Седых. — М.: Посылторг, 1993. — 560 с.
23. Колесников М. С. Сухэ-Батор / М. С. Колесников. М.: Молодая гвардия, 1959. — 303 с.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Дубаков Л. В., кандидат филологических наук, доцент
филологического факультета
E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Shenzhen MSU-BIT University
Dubakov L. V., Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Faculty of Philology
E-mail: dubakov_leonid@mail.ru